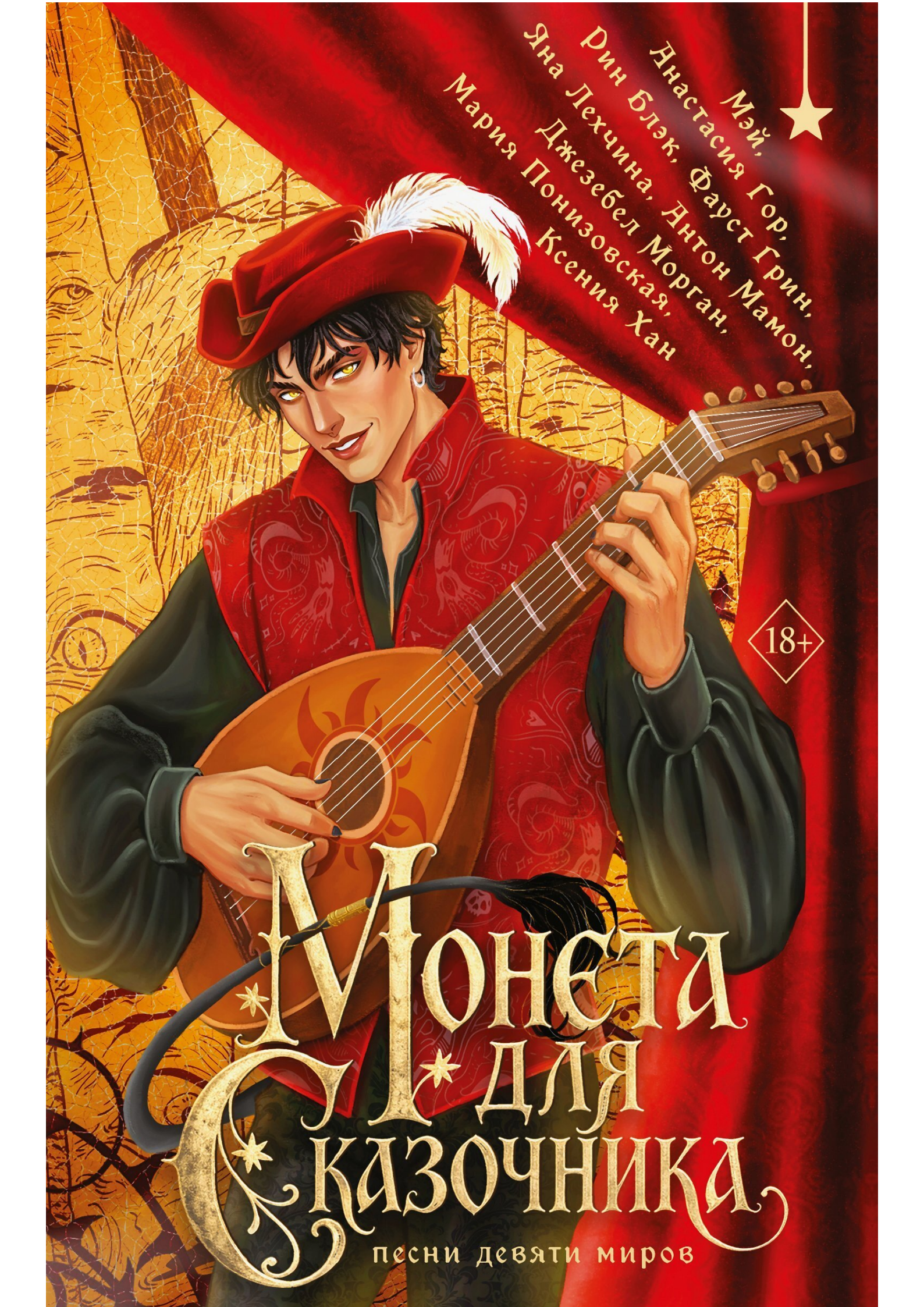

Мэй,
Анастасия Гор,
Рин Блэк, Фарст Грин,
Яна Лехчина, Антон Мамон,
Джезебел Морган,
Мария Понизовская,
Ксения Хан

18+

Монета для Сказочника

песни девяти миров

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Джезебел Морган

**Монета для сказочника.
Сборник рассказов**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морган Д.

Монета для сказочника. Сборник рассказов / Д. Морган —
«Эксмо», 2026 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-255940-2

Даже малая сказка научит любого: Что делать, как думать, куда бежать. Играй, борись — снова и снова — И верь: удача придёт опять. Атмосферные мрачные истории для поклонников стильной осени, тёплых пледов, ужасиков и авторов «Черным-бело». Для читателей приключения создали Анастасия Гор, Джезебел Морган, Мэй, Яна Лехчина, Ксения Хан, Мария Понизовская, Рин Блэк и Антон Мамон. От грозных преданий и игр с разумом до хоррора. Игры фэйри, экскурсия в город Вечной осени, приключения в закрытой Крипте, одинокий маяк, окружённый безмолвным морем, неотвратимость преданий и судьбы, лиминальные пространства и таинственное происшествие с магическим созданием в городке Беларуси... В сборнике встречаются рассказы как по знакомым циклам и романам, так и оригинальные истории. Иллюстрации Рин Блэк, Лидии Магоновой

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255940-2

© Морган Д., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Рин Блэк	6
Анастасия Гор	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Рин Блэк, Ксения Хан, Яна
Лехчина, Джезебел Морган,
Мария Понизовская, Мэй, Антон
Мамон, Анастасия Гор, Фауст Грин
Монета для сказочника: сборник рассказов**

© Блэк Р., текст, 2026

© Гор А., текст, 2026

© Грин Ф., текст, 2026

© Лехчина Я., текст, 2026

© Мамон А., текст, 2026

© Морган Дж., текст, 2026

© Мэй, текст, 2026

© Понизовская М., текст, 2026

© Хан К., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Иллюстрации Лидии Магоновой

*Размыв границу настоящего и сказки,
Он проведёт тебя по их историям.
Читай с осторожностью
И не дай кошмарам себя обмануть
Счастливого Самайна (:*

О. Зарубина

Рин Блэк Бабочка

Рассказ по роману «Норфлэр»

Чарли Кавендиш унаследовала от отца не только прямой, курносый нос и уверенную походку, но и суховатую практичность, которую в их доме называли «отсутствием воображения». Отец с закрытыми глазами мог заменить пружину в старых часах, вычислить расход дров на зиму или собрать развалившуюся телегу. Его разум не рисовал воздушных замков – он дей-

ствовал. И Чарли пошла по его стопам: её сознание измеряло, взвешивало и раскладывало мир по полочкам.

Братья, напротив, впитали мамину склонность к мечте. В их комнате всегда пахло акварелью, сосновой смолой и старой бумагой. Столы были завалены эскизами, из-под двери доносились обрывки мелодий. Тео наигрывал на расстроенной скрипке, Генри сочинял странные, цепляющие мотивы. Их фантазия бурлила: наброски неведомых существ, недописанные пьесы с трагичными финалами, чертежи механизмов, которые никогда не поднимались в воздух, но всё равно казались живыми. В семье их называли «душой дома» – их мечты согревали стены.

У Чарли не было таких чертежей. Она не умела теряться в грёзах, но видела мир иначе – как точную геометрию движений, весов и расстояний. Где другие видели эмоцию, она видела вектор. Где другие слышали музыку, она считывала ритм. И только когда в руку Чарли ложился эфес меча, её «сухость» превращалась в силу. В тренировочном зале, где воздух был густ от запаха кожи, масла и меловой пыли, время замирало. Она не придумывала – она рассчитывала: угол отклонения клинка, длину шага противника, инерцию замаха, место, где броня сменится пустотой. Сталь становилась продолжением её предплечья, нерва, мысли. Каждый парированный удар, каждый точный укол был языком, на котором Чарли могла говорить без слов.

Фехтование стало её спасением. Единственным увлечением, где не просили «раскрыться», «пофантазировать» или «стать мягче». Где её точность была оружием. Где она была Чарли – той, кто видит траекторию до удара, чувствует, как металл оживает в руке, пульсируя в такт её дыханию. В мире, где правят мечты и магия, возможно, именно холодная ясность окажется тем самым клинком, который разрежет узел.

Олирия, маленький город в котором они жили, сиял. Камни мостовых хранили тепло даже после наступления темноты, а солнце, словно боясь повредить древнюю кладку, мягко освещало узкие улочки. Раз в году город менялся, уступая место тревожному, полному надежд ожиданию. Наступал Праздник Фантазии – событие, которое делило жизнь города на «до» и «после». В этот день отбирали лучших, тех, чей дар воображения не вписывался в рамки обыденности. Под звуки фанфар они отправлялись в Лунорию, где могли раскрыться по-настоящему. Все остальные оставались. И делали вид, что это их не ранит.

Чарли спешила домой, едва отдышавшись после прощания с друзьями. Ей было двенадцать, и в этом возрасте казалось, что если ты не в центре внимания, то тебя просто нет. Она торопилась не из-за страха опоздать, а потому что хотела быть полезной. Если ей не суждено уехать, она станет той, кто наполнит теплом дома уезжающих. Во дворе её уже ждал отец. Он выглядел уставшим, но его глаза светились радостью при виде дочери. Не тратя времени на разговоры, он протянул ей моток ярких гирлянд.

– Бельчонок, выручай. Братья снова заперлись, репетируют, а у меня руки заняты.

Чарли, которую отец иногда называл милым прозвищем, соответствующим её характеру, кивнула. Она всегда старалась помочь. Включив фантазию, которую сама считала недостаточно яркой, девочка принялась украшать дом. Она старалась изо всех сил, чтобы каждый огонёк лёг идеально. Закончив, вытерла потные ладони и подняла взгляд к окну второго этажа. Там, в полумраке, метался её старший брат Генри. Он ходил из угла в угол, размахивая листами бумаги, и даже сквозь стекло было слышно, как он репетирует. Чарли почувствовала, как внутри всё сжалось. Нить, связывавшая её с этим домом, стала тоньше.

Отец заметил перемену в её лице. Он оставил украшения и обнял её за плечи.

– Не переживай, милая. Не всем дано зажигать звёзды, и это нормально. Наша задача – сохранять огонь для тех, кто может гореть ярче. Как твои братья. Как... – Он запнулся, и в его голосе проскользнула боль. – Как твоя мама. К сожалению, она ушла в лучший мир, так и не сумев покинуть этот город, считала себя недостойной, уйдя в лучший мир. Наша цель – помочь твоим братьям найти возможность уехать и не повторить её судьбу.

Чарли кивнула, уткнувшись в отцовскую куртку. Её мысли устремились за пределы двора, за каменные арки, где, как говорили в городе, воздух густел от магии и можно было стать особенной. Вдруг щелчок дверной ручки разорвал тишину. Дверь распахнулась, впуская сквозняк и Теодора. Младший брат ворвался в прихожую, едва не споткнувшись о порог. Он поднял руки, демонстрируя свой холст. Краска ещё не высохла, пахло льняным маслом и терпентином. В его глазах светилось детское ожидание, будто весь мир должен был остановиться и одобрить его работу.

– Ну, пап, как тебе?

Чарли отступила на шаг. Она не хотела обидеть брата, просто привыкла быть внимательной. Её взгляд скользнул по холсту, и вместо восхищения в голове всплыли обрывки из обучающих книг по рисованию, которые Чарли читала по вечерам, когда дом засыпал. Линия горизонта была смещена влево. Пропорции лица нарушены, особенно нос, который будто вырос из щеки, а не из центра. Она открыла рот, чтобы сказать что-то тёплое, но вместо этого произнесла:

– Перспектива не сходится. И черты не совпадают.

Улыбка Теодора дрогнула и исчезла. Его щёки вспыхнули румянцем, в глазах заблестели слёзы. Он не кричал, но сжал пальцы на раме так сильно, что костяшки побелели.

– Я у папы спросил, – тихо пробормотал он, отворачиваясь. Голос дрогнул на последнем слого. Теодор опустил холст к полу, как будто тот вдруг потяжелел.

Отец замер между ними. Чарли заметила, как по его лицу пробежала тень усталости. Он неловко потёр переносицу, подбирая слова так, чтобы не ранить сына и не соврать ему. Лгать он не умел и не хотел.

– Тео, ты чувствуешь цвет лучше многих, – начал он спокойно, переводя взгляд с одного ребёнка на другого. – Твой глаз ещё учится держать ритм. А Чарли – она увидела, что многие сразу бы заметили, и мягко это преподнесла, чтобы ты учёл ошибки и смог развивать свой талант дальше. Это может показаться колючим, но позже, когда кисти станут увереннее, её взгляд станет не преградой, а компасом. И ты сам её поблаговаришь.

Теодор всхлипнул, не от обиды, а от внутреннего изменения. Он провёл пальцем по мокрой краске, оставляя синий след, кивнул, не глядя на Чарли, и понёс холст обратно в комнату, бормоча о новой сетке и о том, как нужно было строить от центра.

Дверь закрылась. Тишина во дворе сгустилась, как смола. Чарли подошла к забору, прижалась лбом к нему и посмотрела вдаль. За каменным забором начинался густой лес. Не просто деревья на горизонте, а сплошная живая стена. Хвоя здесь казалась почти чёрной, ветви переплетались так плотно, что дневной свет не проникал дальше нескольких шагов. В городе о нём не рассказывали страшных историй у костра. Его просто считали частью жизни. Зашёл и не вернулся. Пытался доказать обратное и исчез, будто чаща поглощала людей, оставляя лишь пустоту.

Никто не произносил это вслух, но все знали: если хочешь заглянуть за тёмный лес, нужно обладать талантом – петь, рисовать, творить искусство или говорить так, чтобы камни слушали. Талант был единственным ключом. Остальные ждали поставок. Раз в неделю по единственной дороге, которая огибала лес по безопасной дуге, шли караваны. Эльфы и гномы привозили ткани, зерно, редкие специи. Дорога охранялась, но не столько от воров, сколько от существ, живущих в тумане. Туман не рассеивался, он плотной завесой лежал у кромки леса, и иногда в нём появлялись странные силуэты – длинные, неестественно изогнутые, тянувшиеся к обозам, пока не исчезали под звон колоколов и окрики стражи. Говорили, что эти создания помнят вкус человеческой крови. Чарли никогда не встречала их, но знала: город стоит на защите благодаря эльфам, феям и гномам, которые самоотверженно оберегают людей, жертвуя своими жизнями. Ведь только волшебные существа способны противостоять чудовищам.

Чарли провела веткой, лежащей на земле, и оставила на ней неровную дорожку. По этой дорожке можно было угадать границы города. Талант или жизнь здесь? Для двенадцатилетней девочки это звучало как приговор. Единственное, что у неё по-настоящему получалось, – это фехтование. Но тренировать удары во дворе, где никто не ценил сталь и дисциплину, было сродни разговору на забытом языке.

Звук фанфар разорвал тишину. Низкий, вибрирующий, он доносился из центра, заставляя окна дрожать. Город ожил. Это был сигнал. Всем, кто ещё не достиг двадцати лет, нужно было выйти на главную площадь. Начинался отбор.

Толпа устремила к брусчатке, как полноводная река. Чарли шла рядом с отцом, чувствуя, как воздух наполняется напряжением. Генри шёл впереди, его колено нервно подрагивало. Он остановился, обернулся. В глазах читался страх, который он не мог признать вслух.

– А если не получится? – спросил Генри, его голос дрогнул. – Если я останусь? Если я закончу как мама?

Отец положил руку ему на плечо.

– Ты талант, Генри, – сказал он. – Ты слышишь то, что другие заглушают шумом. Ты сильнее её. И ты уедешь. Обязательно.

Чарли не искала слов. Она обняла брата, прижалась щекой к его плечу, вложив в это объятие всю свою веру. Генри выдохнул, кивнул и пошёл дальше.

У подножия трона, украшенного искусной резьбой, сидел кронпринц Лунории. Рядом с ним стоял гном-секретарь, держа в руках свиток. Кронпринц, облачённый в плащ цвета сумерек, выглядел молодо. Его бледное лицо было сосредоточенным, а прямые короткие чёрные волосы, напоминающие ночь, обрамляли острые уши. Карие глаза принца, словно два глубоких озера, отражали его внутреннюю сосредоточенность. Прозрачные крылья, напоминающие крылья бабочки, плавно покачивались за его спиной. Длинный подол его королевского платья скрывал ноги. Облик кронпринца воплощал всю красоту и грацию спригганов¹. Он не улыбался, лишь пристально смотрел, ожидая начала представления.

– Теодор Кавендиш, – произнёс гном, не поднимая глаз.

Младший брат спустился по ступеням, сжимая в руках холст. Краска ещё липла к пальцам, запах масла и тревоги витал в воздухе. Он передал работу прислужнику. Кронпринц склонился, изучил мазки, замер. Потом медленно покачал головой.

– Теодор Кавендиш не прошёл отбор, – громко и без жалости объявил гном. – Следующий. Генри Кавендиш.

Генри сглотнул. Страница со стихом в его руках зашелестел, как сухой лист на ветру. Он поднялся на помост, встал в центре. Площадь затаила дыхание. Ветер подхватил полы его рубашки, но он не дрогнул. Раскрыл лист, обвёл взглядом толпу и начал читать.

Его голос сначала был тихим, почти сорвавшимся, но с каждым словом становился сильнее, обретая ритм, от которого по коже бежали мурашки.

Если за бабочкой пойдёшь, То к монстру быстро ты придёшь. Задаст он несколько вопросов – И каждый тронет глубь основ. «Кого ты ждёшь в седом тумане? Кому ты отдал свой рассвет? Готов ли в шёпоте молчанья Сказать „да“ на немой завет?» Он не пугает, не кричит, А смотрит, словно старый друг. И если правда прозвучит, То разомкнётся старый круг. Он не чудовище из сказки, А страж незримых рубежей. В его глазах горят огарки Ушедших, не живущих дней...

Кронпринц долго не двигался. Он словно пробовал последние строки на вкус, взвешивая каждое слово и вдох, вплетённый в ритм стихотворения. Затем медленно, с силой дважды

¹ Спригган – персонаж корнуолльского фольклора, уродливое и злобное мифическое существо (разновидность фей или гоблинов), способное увеличиваться до гигантских размеров. По легендам, они охраняют древние руины и закопанные клады, а также насылают бури и губят урожай.

хлопнул в ладоши. Эти хлопки не были вежливыми. Они звучали как удары молота, отбивая чёткий, почти воинственный ритм, и эхом отдавались от мокрых каменных стен площади. В этом не было придворной учтивости. Толпа, затаившая дыхание во время чтения стихотворения, выдохнула разом, тихо и сдержанно, как перед грозой. Аплодисменты королевской крови всегда были красноречивее указов.

– Генри Кавендиш избран, – раздался твёрдый голос гнома-глашатая, похожий на грохот грома.

Чарли не ждала приглашения. Она бросилась вниз по ступеням трибун, перепрыгивая через бархатные плащи, тяжёлые сапоги и посохи. Внизу она столкнулась с братом, обняла его так крепко, что пальцы впились в ткань его рубахи, сминая дорогой лён до ярко выраженных изгибов. Отец, покрасневшийся, смеялся сквозь слёзы, тряс головой и бормотал что-то неразборчивое. Теодор обнял Генри с другой стороны. Его плечи дрожали от гордости, которую он не скрывал. На верхних ступенях они вдруг почувствовали себя отрезанными от остального мира. Впереди ждали сотни претендентов, но воздух вокруг словно сгустился, отделив семью от площади невидимой, но плотной стеной. Шум толпы стал приглушённым, как за толстым стеклом.

Площадь опустела только через два часа, когда багряное солнце начало скрываться за зубчатыми крышами старого города. На каменном помосте, под светом первых фонарей, королевский секретарь зачитал короткий свиток. Пять имён. Среди них, чётко и без тени сомнения, Генри Кавендиш. Выбор был сделан.

Дом встретил их привычным, почти обманчивым теплом: запах свежее испечённого хлеба, смешанный с пылью старых книг и остывшим воском. Но комнаты казались теснее, а потолки ниже, словно стены, предчувствуя неизбежный отъезд жильца, медленно сжимались. Генри метался между дубовым шкафом и узкой кроватью, лихорадочно складывая книги в кожаный короб, а потом замирал с пустыми руками, не зная, что взять, а что оставить. Восторг, горевший минуту назад в его взгляде, смешался с ледяной паникой. Семья безмолвно включилась в этот хаос: отец передавал сапоги, Теодор сворачивал плащ. Мать давно ушла, но её присутствие чувствовалось в каждом жесте. Чарли открыла тяжёлый сундук у окна и достала тёмно-зелёный шерстяной свитер, который мать связала за полгода до своей смерти, когда её пальцы ещё не дрожали. Она аккуратно сложила его на стопку, разглаживая ладонью невидимые складки.

– Стихотворение про бабочку... оно хорошее, – сказала Чарли, не поднимая глаз. Её пальцы теребили край пряжи, расплетая крошечные узелки. – Но почему-то кажется знакомым. Как будто я уже слышала эти слова... давно. В другом голосе.

Генри застыл. Рубашка, которую он только что собирался убрать, соскользнула на одеяло. Он сел на край кровати рядом с сестрой, плечи его опустились, дыхание стало ровным, но тяжёлым.

– Ты умеешь хранить секреты, Чарли? – спросил он тихо, без пафоса и драмы, просто как человек, который больше не мог нести тяжесть в одиночку.

Она кивнула.

– Это не моя идея, – выдохнул он, глядя на пыльный узор паркета. – Мама написала его, а я нашёл обрывки бумаги возле мусорки в её комнате. Строки были путанные, такт сбивался, рифма хромала. Но смысл был чистым, красивым. Я только выправил складки, подогнал под ритм и голос. Она всегда говорила: «Если потеряешься или столкнёшься с тем, что не прошибёшь силой, ищи бабочку. Даже если путь пролегает через туман».

Чарли подняла глаза. В её голове, словно заржавевший механизм, задвигалась мысль. Фрагменты памяти всплыли сами, чёткие и ясные. Тихий шёпот у колыбели, от которого затихал даже ветер. Мамины пальцы, рисующие в воздухе невидимые узоры: крылья, спирали, дуги. Лес за окном, который выглядел непроходимой стеной, но на деле оказался дверью, стоило

лишь взглянуть на него иначе. Она не стала переспрашивать или требовать объяснений. Просто накрыла ладонь Генри своей тёплой, дрожащей, с мозолью на указательном пальце.

– Секрет останется здесь, – тихо сказала она. – Но бабочки не летают в тумане, Генри. Они живут за пределами тумана, разве не так?

Он кивнул и вернулся к сбору саквояжа. Комната наполнилась шорохом ткани, стуком деревянных стенок и скрипом кожаных ремней. Чемодан с потёртой кожей и медными уголками почти не оставлял пустот. В него аккуратно сложили рубашки, свитера, штаны, пару книг в стёртых переплётках и маленький серебряный компас, который мать подарила на шестнадцатилетие. Когда последний замок щёлкнул, он выпрямился. В прихожей пахло воском и старой древесиной. Отец уже ждал его. Генри сменил домашнюю одежду на тёмно-синий костюм, слишком взрослый для шестнадцати лет, но достойный для дня, который разделит жизнь на «до» и «после». Отец обнял Генри и всхлипнул.

– Я горжусь тобой, сынок, – прошептал он. – Покажи магическим существам, на что способны люди. Ты – гордость семьи. Мама гордилась бы тобой.

Генри почувствовал, как дрожит отцовское плечо, и осознал: это прощание. За стеной, куда идут избранные, время течёт иначе. Он обнял отца и заплакал, как ребёнок. В дверях кухни мелькнула Чарли, прижав кулаки к губам. Генри встретился с ней взглядом, кивнул и почувствовал, как в груди сжимается комок.

– Спасибо, – выдавил он, глотая слёзы. – Вы лучшие.

Он повернулся к Тео. Младший брат стоял у косяка, сжимая край рубашки. Генри улыбнулся и шагнул к нему.

– А тебя я буду ждать за Стеной, – тихо сказал он. – Не заставляй меня ждать.

Он взъерошил волосы Тео, и тот кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Вдруг дверь дрогнула от стука. Три удара. Пауза. Ещё три. Генри выдохнул и открыл. На пороге стоял гном в сюртуке цвета тёмного вина, с рыжей бородой и косичкой, перевитой медной проволокой.

– Багаж, – хрипло произнёс он, протягивая руки. – Прошу передать. Чемоданы отнесу в багажный отсек. Вы поедете в карете с победителями.

Генри передал саквояжи, задержавшись на рукоятке. Потом отступил, оглянулся на отца, Чарли и Тео. Он кивнул, вышел на улицу и забрался в роскошную карету с золотистыми украшениями и бархатными занавесками. Дверь захлопнулась, подвесные цепочки дрогнули, и мир за окном поплыл. Впереди ждал новый город и новая жизнь.

Шум колёс стихал, утопая в гуле улицы. Чарли стояла у окна, сжав кулаки, пока позолоченный экипаж не скрылся за поворотом. Воздух вдруг показался пустым, в груди заныла тупая боль, смешанная с тихой радостью: Генри уезжал, чтобы стать тем, кем всегда мечтал. Но как тяжело было отпустить.

Она поднялась по скрипучей лестнице и вошла в комнату Генри. Здесь всё напоминало о нём: аккуратно заправленная кровать, раскрытая книга с загнутыми уголками, запах старой бумаги, берёзового дёгтя и мятного мыла, которым он пользовался по праздникам. Чарли, опустившись на матрас, уткнулась в подушку. Ткань всё ещё хранила его тепло, и слёзы потекли сами собой от счастья за него и невыносимой тяжести прощания.

Она повернулась и задела край подушки. В узкой щели между матрасом и деревянным каркасом кровати что-то блеснуло. Чарли вытащила небольшой кулон на потёртой кожаной тесьме. Выкованное отцовскими руками серебро с витыми узорами, напоминающими корни дуба. Застёжка щёлкнула, открыв фотографию: отец, мать, Чарли, Тео и Генри на летнем лугу, смеющиеся и родные. Чарли ахнула и прижала кулон к груди. Мысль пронзила её: Генри не может уехать без этого кулона. Чарли вскочила, схватила кулон и выбежала из комнаты, не разбирая дороги. Она бежала по улице, спотыкаясь о брусчатку и задыхаясь от ветра и отчаяния.

– Стойте! – кричала она, но голос тонул в шуме. Кареты уже не было видно.

Главные ворота города, массивные и окованные железом, смыкались. Чарли врезалась в них, колотя по металлу.

– Пустите меня! Генри забыл важную вещь! – В окошке караульной будки появился эльф в мундире. Он смотрел на неё без эмоций, но с ледяной отстранённостью.

– Что вам надо? – спросил он.

– Генри забыл вещь. – Чарли протянула кулон. – Вы можете его догнать?

Эльф взглянул на кулон, в его глазах мелькнула брезгливость.

– К сожалению, это невозможно. Карета уже пересекла Пограничный хребет. За Стеной нет обратных путей. – Окошко захлопнулось.

Чарли опустила руки. Кулон стал тяжёлым. Слезы кончились. Она побрела домой, медленно ступая. Небо затянулось облаками, свет стал серым. У самой улицы она остановилась. Рядом стоял пенёк спиленного вяза, покрытый мхом. Чарли опустилась на него, прижав кулон к груди. Она размышляла о Генри, о его одиночестве в этом мире. Сомневалась, хватит ли ему сил. И надеялась, что он вернётся. Вдруг неожиданно из густой тени у пня вылетела бабочка. Она была крупной, с крыльями насыщенного синего цвета, пронизанными сложными чёрными узорами, напоминавшими древние письмена или корни деревьев. Бабочка двигалась плавно, словно знала, куда направляется.

Бабочка опустилась на кулон в ладони Чарли, и по пальцам пробежала тёплая искра. Чарли затаила дыхание. Насекомое на мгновение замерло, будто передавая невидимое послание, затем расправило крылья и устремилось к городской стене.

Чарли поднялась и пошла за бабочкой. Ноги сами вели её, будто их направляла невидимая нить. Через шум в ушах до неё донёсся голос Генри: *«Если потеряешься или столкнёшься с чем-то непреодолимым, ищи бабочку. Она покажет путь...»* Она шагнула вперёд, не раздумывая и не оглядываясь.

Бабочка летела неторопливо, наслаждаясь ветром. Она вела Чарли мимо знакомых уголков, через забытый сад, где каменная стена сливалась с необъятным лесом. У подножия старого кустарника дикой малины бабочка нырнула в листву и растворилась. Чарли раздвинула ветки, скрытые мхом и опавшей хвоей, и увидела небольшой пролом в стене. Края камня были стёрты временем – этому ходу очень много лет. Чарли прижалась к земле, просунула руки в щель и оценила её. Она пройдёт. Страх отступил перед любопытством, и она поползла вперёд, цепляясь за корни и влажную почву. Ткань её юбки рвалась, руки пачкались, но она не останавливалась. Сделав последний рывок, она оказалась по ту сторону.

Воздух изменился. Вместо городского смога и запаха брусчатки её лёгкие наполнились ароматом хвои, влажного мха и диких цветов. Чарли отряхнула руки и подняла глаза. Мир за стеной был другим. Солнце пробивалось сквозь кроны вековых елей, создавая золотые пятна на земле. Мох был изумрудно-зелёным, пружинящим под ногами. Трава поднималась до колена, а цветы с лепестками от нежно-розового до глубокого лилового казались нарисованными безумным художником. Птицы пели мелодично, не боясь её присутствия.

– Как красиво, – выдохнула Чарли, и её голос дрогнул. Она шла, оглядываясь и не веря, что это реально. Каждый шаг открывал что-то новое: росу на паутине, светящийся гриб у корней вяза, бабочку, вновь появившуюся на опушке. Она больше не чувствовала себя потерянной. Её тревога сменилась лёгким волнением. Лес не просто пустил её, он ждал. Каждая тропа, каждый луч света, пробивавшийся сквозь сплетение ветвей, словно подталкивал её вперёд. Чарли шла, повинаясь тихому зову в груди, не замечая, как привычные очертания мира уступают место чему-то прекрасному и дышащему. Воздух здесь был густым, насыщенным смолой и влажной землёй.

Тропа внезапно оборвалась. Среди вековых сосен стоял он, спригган.

Чарли замерла. Воздух вокруг стусился. Юноша был прекрасным и пугающим одновременно, словно воплощение легенды. Чёрные, слегка выющиеся волосы спадали на лоб, обрам-

ляя лицо с острыми скулами и тонко заострёнными ушами. На голове – изящный золотой обруч, сплетённый из золотых листьев, знак рода или обета. Чёрная рубаха, сотканная из нитей, впитывающих ночное небо, ловила солнечные лучи, рассыпая их алмазными искрами при каждом движении.

Чарли опустила взгляд и застыла. От ключиц до ног его тело покрывали переливающиеся иссиня-чёрные перья, прочные, как закалённая сталь. Вместо ступней – мощные орлиные лапы с изогнутыми когтями. За спиной, подрагивая, раскрывались два огромных крыла, прозрачных, как у стрекозы, но с радужными прожилками, вспыхивающими изумрудом, багрянцем или чистым золотом.

Увидев её, юноша отшатнулся. Крылья на долю секунды сомкнулись, затем медленно расправились. Двигаясь с хищной грацией, он сделал шаг, затем другой.

– Ты... человек? – Голос прозвучал низко, с акцентом. Он обводил её взглядом, отмечая каждую деталь: платье, испачканные землёй ботинки, лицо, полное изумления.

– Да, – ответила Чарли, не отрывая глаз от крыльев. Её удивляло его удивление. Разве люди не ходили здесь? Приглядевшись, она ахнула. Очертания скул, разрез глаз, манера наклонять голову...

– Ты очень похож на кронпринца. Неужели ты...

– Нет, я не он, – перебил он резко, затем смягчил тон, почесав затылок когтем. – Но мы братья. Близнецы.

Чарли, повинуясь порыву, сделала реверанс:

– Ваше высочество.

Он напрягся, но быстро взял себя в руки, выпрямив спину.

– Что ты делаешь за пределами заповедника? – спросил он.

– Заповедника? – Чарли нахмурилась, глядя на стену в пятистах метрах. – Вы ошиблись. Я из города Олирия.

– Ах да, точно. Вы называете это городом, – сказал он, будто вспомнил что-то давно забытое.

– Я ищу карету победителей, – объяснила Чарли, доставая кулон. Серебро блеснуло на тёмной ткани, её пальцы сомкнулись на кулоне. – Мне нужно передать это брату. Он уехал с избранными, это важная для него вещь.

Лес вздрогнул. Из чащи донёсся глухой стук колёс, скрип осей и фыркание невидимых существ. Карета приближалась.

Принц мгновенно оказался рядом, прикрыл её рот ладонью и обнял за плечи. Они скользнули в густую стену папоротников, где листья создали шатёр, пахнущий сыростью. Чарли прижалась к нему, чувствуя ритм его сердца и тепло тела. Он поднял палец к губам, его крылья сомкнулись, создавая защищённый мирок.

Шум кареты нарастал. Ветка хрустнула рядом. Земля содрогнулась. Чарли затаила дыхание. Принц склонился к ней и шепнул:

– Не двигайся. Они не должны тебя видеть.

Карета тяжело осела на мшистую землю, прервав свой усыпляющий стук. Лес мгновенно затих, будто затаил дыхание, а ветер, игравший в кронах, внезапно перестал завывать. Из высокой дверцы, обитой тёмным бархатом с золотой бахромой, вышел кронпринц. Его плащ скользнул по земле, не задев ни одной хвоинки. За ним поспешно выбрались два гнома в тяжёлых кожаных фартуках, пахнущие дымом и старой кожей. У Чарли сжалось горло от их сладковато-медного запаха.

– Сколько душ мы собрали на этот раз? – Кронпринц говорил холодно, без эмоций.

Гном нервно потёр пальцы, избегая взгляда.

– Пять. Год выдался урожайным.

– Прекрасно. – Уголки губ правителя дрогнули. Он открыл дверцу кареты, где на сиденьях лежали пять человек. Их дыхание было ровным, лица расслаблены. – Достаньте их.

Гномы вытащили ребят из кареты и грубо потащили к кронпринцу. Боль от свежих ушибов вырвала их из магического сна.

– Где я? – Генри говорил сиплым, детским голосом, растерянно оглядываясь.

Чарли в укрытии дёрнулась, горло сдавило от паники. Она попыталась вырваться, но спригган удержал её плечо. «Тише», – говорил его взгляд. Кулон Генри впился в её ладонь, оставляя следы.

Кронпринц наклонился над ребятами. В его глазах мелькнуло что-то древнее и чуждое.

– Вы талантливы, – прошептал он с обманчивой нежностью. – Ваш вклад бесценен.

Кронпринц пнул Генри в грудь, и он упал на колени. Гномы начали бить всех по ногам, сбивая спесь. Испуганные дети выглядели жалкими.

– Держите их, – приказал кронпринц. Прислужники вцепились в Генри.

Правитель изменился. Плечи расправились, глаза потемнели, кожа побелела, за спиной развернулись крылья.

– Не трогайте нас! – крикнул Генри. – Мы хотели жить среди вас.

– Зачем нам ваша красота? – усмехнулся кронпринц. – Нам нужны ваши таланты.

Он извлёк флейту и заиграл гипнотическую мелодию. Несколько фей полетели на звук. Гномы перехватили их.

Кронпринц взял фею и, прежде чем нанести удар, погладил её по голове.

– Ваши жертвы необходимы, – холодно сказал он.

С сухим неестественным хрустом кронпринц разорвал первую фею пополам. Горячая светящаяся кровь брызнула в серебряный бокал, который гном подставил заранее. Тонкий, отчаянный визг маленьких существ тонул в шуме леса, но будущий правитель не обращал на него внимание. С пугающей, почти механической легкостью он методично расправлялся с каждой новой жертвой, позволяя густой смеси крови и внутренностей наполнять чаши, которые услужливо подносили слуги.

Когда сосуды наполнились, кронпринц начал свой жуткий ритуал. Подходя к детям, он грубо зажимал им челюсти и вливал в горло густую теплую жидкость. Она стекала по подбородкам, смешиваясь со слезами и грязью. Гномы крепко держали головы жертв, не давая им отвернуться или выплюнуть содержимое.

Когда очередь дошла до Генри, мальчик стиснул челюсти так сильно, что зубы заскрежатали. Он был готов скорее задохнуться, чем проглотить эту отвратительную субстанцию. Кронпринц холодно усмехнулся. Резким, отточенным движением он нанес Генри сокрушительный удар под дых. От невыносимого спазма в животе мальчик рефлекторно открыл рот, жадно хватая воздух. В ту же секунду тёплая вязкая струя хлынула ему в горло.

Генри давился, пытаясь откашлять липкую розовую жижу. Но она уже начала действовать. Жар, обжигающий и выжигающий изнутри, разлился по венам. Вокруг раздалось нечеловеческие вопли: волна боли накрыла ребят, заставляя их корчиться на сырой земле. Тела начало ломать и выворачивать. Слышался влажный хруст растягиваемых костей: конечности удлинялись, суставы выгибались под невозможными углами.

Кожа детей стремительно бледнела, теряла пигментацию и упругость. Волосы выпадали целыми прядями, обнажая гладкие, мертвенно-белые скальпы. Черты лиц искажались, подчиняясь чужой, извращённой воле. У мальчика глаза затянулись сплошной плотью, оставив лишь зияющую беззубую щель. У девочки губы срослись, превратив её лицо в маску, способную издавать лишь глухие, утробные стоны. Через несколько минут на месте испуганных детей остались вытянутые, безжизненные оболочки. Высокие и одинаковые, они больше не напоминали людей.

– Прекрасно! Новая партия бугге² готова. Они сделают наш мир интереснее, – с восторгом произнёс кронпринц, вытирая окровавленные руки о камзол.

В укрытии принц-близнец сильнее прижал ладонь ко рту Чарли. От него пахло землёй и хвоей, а рука была ледяной. Чарли не чувствовала тепла, только удушающее давление. Слезы текли по щекам, смешиваясь с грязью. Она хотела вырваться и вонзить палку в глаз кронпринцу, но тело не слушалось. Разум, привыкший всё анализировать, разбился о происходящее. Здесь не было логики. Только первобытный голод и безразличие.

Кронпринц, поправив манжеты, шагнул к карете.

– Куда теперь этих существ? – глухо спросил гном, не решаясь поднять взгляд.

Кронпринц ответил холодно:

– Посадите в клетку и отправьте королю. Пусть полюбуется на улов.

Голос звучал буднично, без жалости. Затем кронпринц поднялся в карету и закрыл дверцу.

Гномы работали молча. Они подкатили клетку на тяжёлых колёсах и загнали туда безвольных бугге. Карета тронулась, колёса застучали по земле, оставляя глубокую колею. Экипаж свернул на дорогу в Лунорию и растворился в густом тумане, оставив после себя тишину и металлический запах крови.

Чарли не двигалась. Спригган медленно убрал ладонь. Она сидела на сухой земле, наблюдая, как очертания кареты исчезают в густом серебристом тумане. Внутри её не было ни крика, ни рыданий, только звонкая, оглушающая пустота, словно кто-то лишил защиты её сердце, и его наполнил ветер с далёких чужих равнин.

– Почему?.. – хрипло вырвалось у неё. – Почему они так поступили с моим братом?

Не дожидаясь ответа, она рванулась вперёд. Колени ударились о землю, пальцы впились в мокрую почву там, где ещё минуту назад лежал Генри. Трава была смята, земля чуть потемнела, воздух сохранил едва уловимый металлический запах. Но тела не было, только впадина и тяжёлая, как свинец, тишина.

Спригган вздохнул. Звук был сухим, шуршащим, как ветер, пробегающий по осенним ветвям. Его фигура дрогнула, края расплылись, и перед Чарли предстало нечто иное: прямая осанка, точёные черты, одежда, напоминающая сумерки, сплетённые с паутиной. Он шагнул ближе, но не нарушил границ её горя.

– Для начала, – начал он, и его голос изменился: стал глубже, бархатистее, с лёгким эхом, словно речь формировалась на языке, забытом тысячи лет назад, – давай представимся.

Чарли не подняла глаз. Голос её сорвался, стал жалким и детским:

– Меня зовут Чарли.

– Приятно познакомиться, Чарли, – сказал он. – Я – Данте Вайлорн из рода Первородных Фейри. – Он произнёс это с гордой уверенностью, но, встретив её стеклянный, немигающий взгляд, осунулся. Величие разбилось о боль. Плечи чуть опустились. – Хорошо. Мы представились. Теперь ответь: что ты знаешь о мире, в котором ты живёшь?

Чарли стремительно подняла голову. В её глазах отразились не только страдания, но и удивление от вопроса, так как она внезапно поняла печальную истину: она ничего не знала о мире, в котором живёт.

– Ничего. Про город, про соседей, про чудовищ в лесу, про стену... я знаю. А про мир? Про то, что они сделали с Генри? Ничего.

Данте тяжело выдохнул. Опустился рядом на траву, не слишком близко, и стал смотреть не на неё, а на опушку леса, где пели птицы.

² Бугге (bugge) – среднеанглийское слово, означающее «пугающий призрак» или «страшилище». Оно связано с немецким bögge и составным böggel-mann. Корень этих слов уходит в древнегерманские формы bug- или boug-, которые означают «пугать» или «страх». От этого корня произошло название бугимен.

– Твой мир... он не так мал, как кажется. Просто его сузили. Давным-давно, когда ваши летописцы ещё называли это двадцать первым веком, две реальности столкнулись. Не война, не катастрофа, а сопряжение. Люди и магические существа. Мы начали делить небо, землю, время. Но память... она длиннее, чем ваша история.

Он замолчал. Ветер прошумел в папоротниках, донёс запах увядшей листвы и далёкого огня.

– Когда жизнь людей и моего народа стала невыносимой из-за различий в образе жизни, всё же началась война, унёсшая миллионы жизней. Существа, обладавшие магической силой и оружием, обученные людьми, начали теснить человечество. Но чем меньше оставалось людей, тем беднее становился наш общий мир. Люди, в отличие от нас, умели создавать краски и красоту: петь, танцевать, рисовать, сочинять, строить и творить. Их способность поражала нас и продолжает удивлять. К сожалению, мы никогда не могли творить, но и обойтись без творчества не можем. Поэтому наш народ решил не уничтожать вас, а поселить в огромные заповедники, где вы будете жить под нашим контролем, а мы сможем продолжать использовать ваши таланты. Раз в год самых талантливых забирают и превращают в бугге – послушных монстров, созданных из крови наших и ваших видов. Смесь кровей парализуют человеческую свободолюбивую натуру, оставляя лишь навыки и таланты, которые мы эксплуатируем, пока не угаснет искра.

Чарли посмотрела на него с ледяной, пронзительной безразличностью. Её руки сжались в кулаки.

– Значит, мы для вас просто скот?

– Скот не задаёт вопросов, – ответил Данте, повернувшись. В его глазах не было злобы. Только усталость, тяжёлая, как старый камень. – Вы задаёте. Вы создаёте симфонии и отравляете реки. Лечите болезни и придумываете пытки. Вы одинаково гениальны в созидании и разрушении. Поэтому вас не забивают. Вас берегут. Как редкий сорт вина. Как драгоценный металл. Вы опасны. И вы прекрасны. В этом ваша трагедия.

Вновь повисла тишина, густая, настоящая. Чарли обхватила себя руками, чувствуя, как холод пробирается под одежду.

– И что мне теперь делать?

Данте встал. Трава зашуршала под его когтистыми лапами. Он смотрел на неё сверху, но без высокомерия.

– У тебя есть два пути. Первый: я коснусь твоего лба, и ты проснёшься в своей кровати. Будешь думать, что Генри уехал в Лунорию. Будешь жить безмятежно. За Стеной. В заповеднике. В мире, где правда не имеет значения. – Он сделал паузу. – Второй: ты пойдёшь со мной. Станешь моей игрушкой, слугой и хранителем. Увидишь мир, который тебя презирает. Услышишь то, от чего захочется выть. И сможешь выбрать: сломаться или закалиться.

Чарли медленно поднялась. Колени дрожали, одежда липла к коже, лицо было бледным, но спина стала прямой. Она смотрела ему прямо в глаза. Не как девочка. Как та, кто потеряла всё, но ещё не сломалась.

– А если я выберу второе, – её голос был тихим, но каждое слово резало воздух, как отточенная сталь, – и решу, что первый, кого я убью, будешь ты и твой брат кронпринц?

Данте остался непоколебим. Его взгляд не дрогнул. В уголке рта промелькнуло едва заметное движение. Это было не улыбкой. Это было признанием.

– Тогда, – сказал он, – тебе придётся научиться бить точнее. – Данте встал и протянул руку Чарли. – Выбор за тобой.

– Я пойду с тобой. – Голос Чарли был тих, но твёрд. – Но прежде я хочу увидеть Тео. В последний раз.

Данте пристально посмотрел на неё. В сумерках его глаза казались серыми, словно пепел. В них мелькнуло уважение, смешанное с холодной решимостью.

– Будь осторожна, – наконец произнёс он. – Стены имеют уши, а тени – память. Стража бодрствует, а гномы слышат биение сердца сквозь дерево. Но если ты готова рискнуть... – Он медленно кивнул. – До первого луча. Не минутой позже.

Ночь окутала город тяжёлым бархатным покрывалом. Чарли бесшумно скользила вдоль глухих заборов, избегая фонарей, чей тёплый свет теперь казался предательским. Любой шорох листьев или скрип чужой двери заставляли её замирать, превращаясь в тень.

Она знала каждый поворот, каждую выбоину мостовой, каждый камень, ведущий к дому. Дверь открылась бесшумно – отец по привычке оставлял засов недожатым, чтобы Генри мог зайти, вернувшись поздно домой.

В прихожей на старом дубовом секретере пахло чернилами и воском. Чарли не зажгла свечу. Она писала на ощупь, стараясь не дрожать, выводя буквы быстро и чётко.

«Папа. Когда найдёшь это, считай, что меня нет. Скажи соседям, старейшинам, всем: сердце дочери не выдержало разлуки. Пусть верят в горе. Оно проще, чем страх неизвестности. Но знай: я жива. Не сломлена. Вернусь. Не за год, не за два. Но вернусь. И тогда мы уйдём. Храни себя. – Ч.»

Она аккуратно подняла дощечку и просунула письмо в щель между балками, куда заглядывал только отец, пряча чертежи или письма матери. Затем поднялась по лестнице, стараясь не скрипнуть.

Дверь в комнату Тео была приоткрыта. В комнате пахло сосновой смолой, старой бумагой и мёдом, который брат всегда мазал на хлеб перед сном. На столе лежал недописанный эскиз птицы с крыльями, похожими на струны.

Чарли подошла к кровати. Тео спал развалившись, одна нога свисала с края, пальцы сжимали простыню. Она легко коснулась его плеча, чтобы разбудить.

– Чарли? – Шёпот Тео был полон сна и тревоги.

– Да. Времени мало. – Она присела на край кровати, взяв его тёплые, испачканные краской руки. – Письмо отцу я оставила. Он поймёт. Слушай меня внимательно.

Тео сел, сон исчез. В полумраке его глаза казались большими, как у совы.

– Ты талантлив. Как Генри. Может, даже талантливее. – Её голос стал жёстче. – С этого дня скрывай это. Никаких картин, нот, красивых стихов вслух. Если спросят – скажи, что забыл. Что руки не слушаются.

– Но зачем? – В его голосе звучало детское возмущение и страх.

– Это я. – Чарли сжала его пальцы. – Я никогда не обманывала тебя. Верь мне. Отсутствие дара – твой щит. Развивай его тайно. Пиши, рисуй, пой, когда никто не слышит. Пусть это будет твоей радостью. Но не показывай никому. Особенно если кто-то придёт с проверкой. Однажды я вернусь. Мы уйдём. Я вытащу вас из города. Из-за Стены. Обещаю.

Тео смотрел на неё широко раскрытыми глазами, без слёз, но с тяжёлым пониманием. Он кивнул один раз, медленно. Чарли поцеловала его в лоб и встала, не оглядываясь ушла.

Она выбежала из дома, оставив прошлое позади. За стеной её ждал Данте. Он протянул руку, но не для помощи, а для подтверждения.

Чарли шагнула вперёд, не оглядываясь. Впереди был мир, презирающий её кровь, считающий её тенью. Но в груди горело обещание, тяжелее любого клинка.

Лес сжимался вокруг, словно живой организм. Ветви сплетались, образуя густой, непроницаемый свод, заглушая шаги и поглощая дыхание. В этой густой, почти осязаемой тьме светлячки не просто мерцали – они были проводниками. Их бледно-зелёные огоньки пульсировали в едином, медленном ритме, вычерчивая в воздухе призрачные дуги. Они словно несли не свет, а клятву. Чарли следовала за этими огнями, чувствуя, как каждый вдох обжигает лёгкие. Воздух был наполнен запахом сырой хвои, прелого мха и чего-то сладковато-приторного, напо-

минающего увядающие орхидеи и старую, застоявшуюся магию. Тропа виляла, корни цепко хватали подол платья, а воздух становился всё тяжелее. Лес дышал.

Страх не комком лежал в груди, а холодным клинком вонзался между рёбер. Самым страшным было не само место, не неизвестность, а то, что единственный, кому она могла довериться, шёл впереди. Спригган, принц Лунории. Он дышал тем же воздухом, что и тот, кто забрал душу Генри. Его тень, созданная фосфоресцирующими жуками, сливалась с корнями. Чарли знала: если он решит, что она опасна, любопытна или бесполезна, лес примет её так же равнодушно, как её брата. Доверие здесь было не чувством, а расчётом. Как длина шага перед уколom, как угол парирования. Она шла за ним не из веры, а потому, что отступить означало умереть.

Внезапно деревья расступились. Корни, стволы, переплетённые лианы исчезли, уступив место бескрайнему полю. Высокая трава, серебристая от росы, доходила до пояса и шуршала, как сухой шёлк, расступаясь перед ними. Чарли остановилась. Над головой раскинулось небо, не похожее на привычное небо Олирии. Оно было живым, глубоким, усыпанным звёздами, которые горели ровным, холодным светом, образуя узоры, от которых кружилась голова. Воздух был разрежённым, колючим и пах далёкой грозой. Простор давил, но в нём была ясность.

Страх в её груди не исчез – он кристаллизовался. Превратился во что-то твёрдое, готовое резать. Мысль оформилась внутри, чётко и бесповоротно: *Я не стану их добычей. Я стану их ошибкой. Я утоплю этот мир в крови тех, кто считает нас пищей. Но я верну нормальную жизнь человечеству. Даже если для этого придётся пройти по горе их трупов.*

Ветер донёс далёкий мелодичный звон, напоминающий разбитое стекло. Данте кивнул, будто услышал её мысли. Он шагнул вперёд. Чарли последовала за ним, не оглядываясь, не сомневаясь. Впереди её ждал мир, где люди воспринимались как животные. Люди, в отличие от животных, обладают разумом. Они могут выждать и нанести удар внезапно и смертоносно. И её первый удар будет точным.

Анастасия Гор
Последняя экскурсия в город вечной осени

Рассказ по роману «Самайнтаун»

Нина поняла, что Самайнтаун не любит чемоданы на колесиках, еще на вокзальной площади. Брусчатка здесь была старая, ломаная, с выбоинами, в которых стояла дождевая вода, и пластиковые колесики чемодана подпрыгивали на каждом камне и поддавались так неохотно, будто она тащила за собой раненое животное. Над вокзалом висела жестяная тыква с проре-

занной ухмылкой, внутри которой мерцал бирюзовый огонек. От этого улыбка казалась не радостной и дружелюбной, какого тона придерживались все рекламные бюллетени, а хитрой и голодной.

Сам вокзал был похож на старую театральную кассу, которую принесли сюда туман и вихрь из багряно-желтых листьев. Воздух пах сладко, но сладость эта была как у фрукта, который уже начал портиться у косточки. Осень в Самайнтауне, по слухам, никогда не заканчивалась, так что и фруктов, и листьев здесь было много, почти до колен. В окнах близлежащих жилых домов из светлого клинкерного кирпича дрожал желтый свет, под навесами магазинов покачивались гирлянды и украшения из высушенных тыкв. Каждая имела свое выражение: одна презрительно шурилась, другая скалилась, третья, крошечная, размером с кошачий черепок, словно собиралась плакать. Нина очень хорошо понимала ее, она тоже готова была рыдаться, ведь ужасно устала и вдобавок натерла ноги. Но не решилась присесть на скамейку: компания мужчины, расположившегося на ее краю, с оленьими рогами, торчащими из шляпы, и копытцами вместо ног, читающего газету верх-ногами, как-то не располагала к отдыху.

Только за те десять минут, что они с сестрой шли от вокзала до стоянки такси, Нина успела насчитать по меньшей мере дюжину таких «кадров». Везла их до отеля и вовсе девочка лет десяти на вид, жующая карамельное яблоко зубами столь острыми, что ими было впору открывать консервные банки. Однозначно Самайнтаун не был похож ни на один город из тех, в которых они уже побывали в поисках спасения, – и на тот, что наконец-то подарит его, тоже. Скорее, Самайнтаун выглядел как место, где они умрут.

Но что им еще терять?

– Я уже была здесь, – прошептала Мару.

Она брела рядом, неся свой маленький рюкзак на одной лямке. Тридцать минут назад, в поезде, Мару почти заснула у окна, привалившись к стеклу лбом, и Нина успела подумать, что поездка пройдет легче, чем она боялась. Теперь же, когда сестра беспорядочно дрыгала в воздухе рукой и снова жевала рыжую прядь волос, Нина понимала, что ошиблась. Возможно, в этот раз будет даже хуже, чем до этого. Но разве тяжелый путь не обещает богатую награду?

– Нет, мы никогда сюда не приезжали, – ответила Нина и потянула чемодан через лужу. – Это наша первая поездка в Самайнтаун.

– Нет. Я была, была! Просто не с тобой. Была!

Нина сжала ручку чемодана сильнее. В такие моменты в ней поднималось привычное, злое, стыдное раздражение. Та самая тонкая игла под ногтем, когда хотелось воскликнуть: «Заткнись», «Не начинай», «Ты же обещала». Психиатр говорил, что спорить бесполезно, психолог говорил, что «надо валидировать», что бы это ни значило; мать говорила, что это все переходный возраст, явно забыв, что Мару, вообще-то, уже девятнадцать. Только Нина, казалось, имела смелость признать и смириться: само по себе оно уже никогда не пройдет. Та страшная неделя так и не закончилась, вопреки радости родителей и статьям журналистов, – она продолжается, тянется вот уже десять лет, преследует их, как гончий пес пару пушистых кроликов.

Мару снова дернула рукой – резко, неловко, будто отмахнулась от невидимой мошки, – и рыжая прядь выпала у нее изо рта, мокрая, скрученная. В детстве она так же жевала край красной варежки, пока Нина шипела на нее, обзывалась, иногда кричала. И даже когда велела сидеть в зарослях орешника и не выходить до тех пор, пока она не придет за ней... Наверное, думала Нина часто, Мару кусала этот кусочек овечьей шерсти все те пять часов, что сама Нина смотрела мультики и грызла шоколад. Когда спохватились родители, только злополучная варежка под орешником лежать и осталась. Мару же исчезла. Ее отыскивали лишь на восьмой день в двадцати километрах от фермы. Рассудок она потеряла где-то по пути, как и всю зимнюю одежду, найденная поисковой группой среди пустыря в чужой рубахе поверх грязного платья, в одном ботинке и в следах маленьких укусов с дорожкой засохшей крови на лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.